

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.13>

Цуркан Вероника Валентиновна, Зайцева Татьяна Борисовна

Концепт СЧАСТЬЕ в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова

Цель исследования - выявить универсальные и индивидуально-авторские способы представления концепта, обусловленные своеобразием творчества и эволюцией лирических героев К. Бальмонта и В. Брюсова. Научная новизна заключается в том, что концепт СЧАСТЬЕ, традиционно относимый к периферийным в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова, не получил должного освещения в литературоведении, а также в анализе изменений, которые претерпели понятийная, эмоциональная, аксиологическая составляющие концепта в противостоянии традиционного и модернистского истолкования счастья. Результаты исследования: предпринятый в статье анализ концепта полемически заостряет проблему переосмысления феномена счастья как категории динамичной, формирующейся в интуитивном художественном мышлении поэта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/10/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 70-74. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л.: Советский писатель, 1989. 720 с.
13. Максимов Д. Критическая проза Блока // Блоковский сборник: труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. / отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту: ТГУ, 1964. Вып. I. С. 28-97.
14. Мандельштам О. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 2. 704 с.
15. Останин Б. Марсий в клетке // Часы. 1978. № 14. [б. с.]
16. Ронен О. Поэтика Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. 240 с.
17. Седакова О. Музыка глухого времени // Вестник новой литературы. 1990. № 2. С. 257-266.
18. Шварц Е. Войско. Оркестр. Парк. Корабль. М.: Common place, 2018. 336 с.
19. Spitzer L. Classical and Christian Ideas of World Harmony: Prolegomena to an Interpretation of the Word "Stimmung". Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1963. 232 p.

On Genealogy of Musical Figurativeness in V. Krivulin's Poems of the 1970s

Khairulin Timur Pavlovich

*Vladimir Dahl Russian State Literary Museum
khairulin25@gmail.com*

The article analyses musical figurativeness in V. Krivulin's poems of the 1970s. The research objective includes identifying specificity of musical figurativeness in his poetical collections "Sunday Clouds" and "Musical Instruments in Sand and Snow". Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher traces literary genealogy of musical images in V. Krivulin's poetical collections of the 1970s. The research findings are as follows: the author shows that the musical theme in V. Krivulin's poems is associated with intellectual contexts of the Silver Age literature, in particular, with the mythologeme of Dionysian and Apollonian elements in art. Krivulin's interpretation of A. Blok's conception of music is analysed. The amateur poet reconsidered this conception in his literary manifesto.

Key words and phrases: unofficial literature; Viktor Krivulin; musical figurativeness; literary genealogy; intertextuality.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.13>

Дата поступления рукописи: 16.09.2020

Цель исследования – выявить универсальные и индивидуально-авторские способы представления концепта, обусловленные своеобразием творчества и эволюцией лирических героев К. Бальмонта и В. Брюсова. **Научная новизна** заключается в том, что концепт СЧАСТЬЕ, традиционно относимый к периферийным в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова, не получил должного освещения в литературоведении, а также в анализе изменений, которые претерпели понятийная, эмоциональная, аксиологическая составляющие концепта в противостоянии традиционного и модернистского толкования счастья. **Результаты исследования:** предпринятый в статье анализ концепта полемически заостряет проблему переосмысления феномена счастья как категории динамичной, формирующейся в интуитивном художественном мышлении поэта.

Ключевые слова и фразы: К. Бальмонт; В. Брюсов; русская поэзия рубежа XIX-XX вв.; концепт СЧАСТЬЕ.

Цуркан Вероника Валентиновна, к. филол. н., доц.

Зайцева Татьяна Борисовна, д. филол. н., доц.

*Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
veravts2013@yandex.ru; tbz@list.ru*

Концепт СЧАСТЬЕ в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова

Актуальность темы статьи связана с необходимостью пересмотра содержания и структуры концепта СЧАСТЬЕ в лирике К. Бальмонта и В. Брюсова. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) изучить трансформации в структуре и семантике концепта СЧАСТЬЕ в контексте созданной поэтами модели идеального художественного бытия; 2) выявить сходство и различие в репрезентации указанного концепта, обусловленные стилевыми особенностями творчества и духовной эволюцией лирических героев К. Бальмонта и В. Брюсова; 3) определить системные особенности концепта СЧАСТЬЕ в поэзии старших символистов.

Переходные исторические периоды всегда сопровождаются разрушением привычных представлений о мире, крушением идеалов, глобальными изменениями в культуре. На рубеже XIX-XX вв. человек оказался перед лицом неизвестности такого масштаба, который невозможно было охватить только разумом или логикой. Пересмотр общепринятых смыслов инициировал поиск нравственных, мировоззренческих основ жизни, способствовал переосмыслению концепта СЧАСТЬЕ.

В ряде исследований сложилось представление о консервативности семантики исследуемого концепта, обусловленной его «универсальностью... базовым аксиологическим характером и малоподвижным, устойчивым содержанием» [6, с. 317]. Модернизм, по сути своей несовместимый с идеалами реалистического искусства, очевидно, не мог принять традиционной интерпретации счастья. В своих художественных воплощениях символистская концепция счастья была склонна к безудержному парадоксализму. В. Брюсов писал: «Единственный

признак истинного искусства – своеобразие» [5, т. 6, с. 46]. Провокация и парадокс, ставшие средствами оправдания и эстетизации злого начала, привели к тому, что концепт СЧАСТЬЕ в поэзии раннего символизма приобрел новое понятийное, образно-метафорическое, аксиологическое наполнение. На смену традиционной трактовке счастья как константы «высшего позитивного качества, как переживания полноты бытия» [18, с. 425] пришла иная – связанная с отрешенностью счастья от реальности и с его поиском в иных мирах.

В уже ставших классическими работах, например И. М. Машбиц-Верова [12], отмечались «неубедительность», «искусственность» мотива счастья в поэзии старших символистов. На «пессимистический характер» гуманизма К. Бальмонта и В. Брюсова указывала Л. А. Колобаева [10, с. 33]. Вместе с тем утверждать, что поэтические высказывания К. Бальмонта и В. Брюсова о счастье сводятся только к негативистским трактовкам, значило бы существенно упростить проблему. Пессимистическое миропонимание рассматривалось поэтами-символистами отнюдь не как единственно возможное, несмотря на то, что отношения между индивидуальным началом личности и безымянным началом божества разрешались в их творчестве трагически. Вопрос об истолковании феномена счастья в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова и по сей день остается дискуссионным.

Методы исследования: историко-литературный, сопоставительный, метод концептного анализа.

Теоретической базой исследования, наряду с трудами А. Хансен-Лёве [19], И. Г. Кулешовой [11], послужили публикации зарубежных авторов Д. Неттла [22], Л. Самнера [23], Р. Винховена [24], в которых развивается идея о значимости категории счастья как ментальной и социально-адаптивной сущности личности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемые в статье результаты работы, ее методология могут быть использованы в педагогической деятельности для усовершенствования образовательного процесса.

В статье представлены две крупные фигуры символистской поэзии – К. Бальмонт и В. Брюсов, которые на протяжении 1890-1909 гг. вели интенсивный творческий диалог. В посвящении книги «Будем как Солнце» К. Бальмонт называл В. Брюсова «братом», а брюсовская книга “Urbi et Orbi” открывалась посвящением «другу и брату» К. Бальмонту. Хотя и разными путями, поэты пришли к идее ценности творчества, основанного на «нерассудочной форме познания мира», «предугадывающей в пределах искусства новые формы жизненных отношений» [4, с. 236-237]. В истолковании феномена счастья К. Бальмонт и В. Брюсов, с одной стороны, исходили из традиционных фелицитарных представлений, в которых соединялись гедоническая и эпикурейская концепции, возводящие этимологическую семантику концепта к воле/желанию [17, с. 816], а с другой стороны, из модели идеального бытия, в которой, как отмечает И. Г. Кулешова, «объективно» существующие (земной, небесный, инфернальный) миры оказались противопоставлены «субъективно» существующему «миру мечты» [11, с. 14].

Концепт СЧАСТЬЕ, трактуемый в русской литературе как «рок, судьба, часть и участь, доля» [8, с. 371-372] и как «осознание своей причастности чему-то более высокому, чем повседневная суэта и заботы» [6, с. 296], исследовался в работах С. Г. Воркачева [7], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [13], в статьях Т. Е. Абрамзон, С. В. Рудаковой, И. Регеци [1; 2; 14; 21], Т. Б. Зайцевой, А. Р. Жусуповой [9]. «Отношение к счастью, – отмечает С. Г. Воркачев, – входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нём образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие *счастья*... покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания» [7, с. 54]. В Татаркевич в книге «О счастье и совершенстве человека» следующим образом определяет указанный феномен: «1) благосклонность судьбы, удача, удавшаяся жизнь, везение; 2) состояние интенсивной радости; 3) обладание наивысшими благами, общий, несомненно, положительный баланс жизни; 4) чувство удовлетворения жизнью» [16, с. 42].

В поэтических циклах К. Бальмонта и В. Брюсова 1890-1909 гг. специально посвященные теме счастья стихотворения не встречаются, за исключением двух – брюсовского «К счастливым» (1904) и бальмонтского «Счастливы...» (1908). Тем не менее было бы неправомерно полагать, что в творчестве поэтов представление о счастье никак не выражено. Счастье декларируется в системе ценностей, связанной с индивидуально-авторской трактовкой мироздания и места в нем человека. В лирике В. Брюсова понятие «счастье» синонимично понятиям «восторг» [5, т. 1, с. 229], «сладость» [Там же, с. 60], «миг упоенья» [Там же, с. 72], «наслаждение» [Там же, с. 229], «блаженство» [Там же, с. 132], «улада» [Там же, с. 181], «жданная мечта» [Там же, с. 118]. Бальмонтский концепт вербализован в лексемах «счастье» [3, т. 1, с. 164], «восторг», «исступление» [Там же, с. 47], «сладость», «упоение» [Там же, с. 455], «блаженство» [Там же, с. 162], репрезентирован через вкусовые, цветовые, тактильные восприятия, передающие зыбкие, нежные состояния: «Тихое счастье / В синей Безбрежности, / Проблеск участия, / Чайные нежности, / Кроткое счастье, / Счастье забвения» [Там же, с. 164-165]. Образная природа концепта у В. Брюсова определена логикой, представлена в жёстких, строго очерченных формах, например в оксюморонах и «антиномичных» рифмах, подчеркивающих равноценность любых настроений: «Я изведал безмерное счастье, – / Наслаждаться мечтой несказанной / И свободным восторгом бесстрастья» [5, т. 1, с. 118].

Вместе с тем есть особенности, сближающие интерпретацию концепта СЧАСТЬЕ в лирике К. Бальмонта и В. Брюсова. По справедливому замечанию С. Л. Слободнюка, свойственное символистам стремление к эстетизации чувства (злого ли – доброго ли) «неминуемо толкало их в пучины абсолютного дуализма» [15, с. 118]. Дуализм обнаруживается в семантическом поле концепта. Например, у В. Брюсова эгоцентрическое представление о счастье («В этом мире одно есть блаженство – / Сознать, что ты выше себя» [5, т. 1, с. 132]) уравнивается с признанием ценности счастья в земном и небесном мирах: «Радостей в мире таинственно много, / Сладостна жизнь от конца до конца. / Эти восторги – предчувствие бога, / Это – молитва на лоне Отца» [Там же, с. 229]. Правда, и это положение оспаривается поэтом в стихотворении «Одна»: «Нет мне в молитве отрады» [Там же, с. 80]. Сосуществование противоположных начал обнаруживается в бальмонтском отрицании и утверждении счастья: «В этой жизни счастья нет. / Счастье брезжит, как мерцанье

мирающих планет» [3, т. 1, с. 129], а рядом – «Счастлив тот, кто ждет участь, / Счастлив тот, кто верит в счастье!» [Там же, с. 160]. В эпиграфе из «Братьев Карамазовых», предпосланном книге стихов «В безбрежности», К. Бальмонт обращает взор читателя к земле («Землю целуй и неустанно, ненасытимо любви, всех люби, все люби, ищи восторга и иступления сего») [Там же, с. 47]), а в заключительном стихотворении сборника изображает героя, устремленного «в жажде счастья цельного / К ненасытной мятежности... к неизвестной / Красоте!» [Там же, с. 130]. «Красота» при этом мыслится как предел мечтаний, а ее «обожание» – как апофеоз счастья: «Есть ли большее счастье, большая радость, как обожать красоту, медленно встающую в даях невозможного?» [Там же, с. 156].

«Восторг» красоты в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова чаще всего был явлен в «сцепленьях роковых» [5, т. 1, с. 142]. «В лохмотьях счастья зло» [3, т. 1, с. 488], «злое счастье» [5, т. 1, с. 194], «ослепнуть от счастья» [3, т. 1, с. 448], «счастье без объятия» [Там же, с. 439], «счастье у предела» [Там же, с. 442], «вспышка счастья и отвращения» [Там же, с. 448] – это лишь малая часть aberrаций в образно-метафорической составляющей концепта. Символистская модель мироздания трансформировала традиционную иерархию ценностей, превращала бытие в небытие. Бальмонтовский герой молил: «Тебя я хочу, мое счастье, / Моя неземная краса! / <...> Хотя бы ценой преступленья – / Тебя я хочу!» [Там же, с. 105], а после подводил безрадостный итог: «За новый облик сладострастия... / Я проклял все во имя счастья» [Там же, с. 455]. Лирический герой В. Брюсова не просто мечтал «Забывать в истоме жданной / Чье-то злое счастье» [5, т. 1, с. 194], а создавал систему, в основании которой лежала идея познания взаимоисключающих истин: «Мы гордо людей презираем, / Нам законом – наши желанья, / И мы бесконечно страдаем, / Но в гордости любим страданья. / ...Мы вдруг безмерно счастливы / И стыдимся этого счастья» [5, т. 3, с. 194]. Стирание противоположностей неумолимо вело к отрицанию «людского» счастья. Выбор в пользу Красоты совершал поэт-демиург, целью жизни которого было создание идеальной художественной вселенной. В стихотворении «SUB SPECIE AETERNITATIS» счастье поэта истолковывалось как нечто не зависящее от внешних условий: «О, Господи, какое счастье / Быть художником! / Самовластным, гордым, свободным, – / Царем над созвучиями и образами» [Там же, с. 274]. К. Бальмонт создавал собственный миф о Поэте-Солнце: «Жизни податель, / Бог и создатель, / Страшный сжигающий свет! / Дай мне – на пире / Звуком быть в лире, – / Лучшего в мире / Счастья нет!» [3, т. 1, с. 549]. Или: «Как радостно быть жарким и сверкать! / Как весело мгновения сжигать! / Со светлыми я светлым говорю. / Я царствую. Блаженствую. Горю» [Там же, с. 558]. Поэтическое бытие радикально противопоставлялось обыденному существованию: «Не для меня законы, раз я гений... / Я знаю только прихоти мечты, / Я все предам для счастья созиданья / Роскошных измышленей красоты» [Там же, с. 507]. Понятие «поэт» приобретало некий оттенок служения, приближающийся к религиозному.

Соединение взаимоисключающих сторон в концепте не препятствовало раскрытию семантики счастья как силы, пусть и не вносящей в мир гармонию, но все же действенного, преобразующего его начала. Отбрасывая морально-этические категории, лирические герои К. Бальмонта и В. Брюсова заменяли их интенсивностью самореализации. Цель жизни виделась поэтам в неустанном стремлении к счастью. В концепте происходил перенос с субъекта на объект, с эмоционального состояния на причину, сформировавшую его. Брюсовская концепция непрестанно движущейся личности, убежденной в том, что «жизнь не в счастье, жизнь в искании, / Цель не здесь – вдали всегда» [5, т. 1, с. 225], основывалась на соотносении рационализма и иррационализма. «Иступленной», «испитой до капли» «жажде ненасытной утех» [Там же, с. 156] брюсовский лирический герой противопоставлял нечеловеческое самообладание: «И так сладко в бессильи неземных содроганий, / Сохранять свою волю на отмеченной грани / И над дерзостной силой сохранять свою власть» [Там же, с. 148]. И не мистического, а вполне реального экстаза жаждал герой К. Бальмонта, декларировавший: «Я буду счастлив! Я буду молод! / Я буду дерзок! Я так хочу!» [3, т. 1, с. 451]. Статике самодостаточного идеала поэты противопоставляли динамику порыва: «Счастлив, кто в беге упал, / В беге до цели. / Так белою пеной увенчанный вал / Рассыпается в радостном хмеле. / Счастлив, кто счастье узнал устремления к цели... / Счастлив, кто счастье узнал быть в стремлении смелом» [Там же, т. 2, с. 492-493]. Образы волны и «устремленного к цели» героя К. Бальмонта, с одной стороны, контрастны как дезинтеграция и монолитность. С другой стороны, взятые в контексте шопенгауэровской трактовки, они проецируют мир как дробление и слияние одной и той же сущности, колебание «Я» и «не-Я».

Несмотря на то, что земной и небесный пути к счастью были порой осложнены сомнениями или жаждой наслаждений и утех, герои поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова жаждали обрести его в мире ином. Своеобразной «пропиской» символистского счастья можно считать следующие, условно выделенные нами фелицитарные топосы:

1) топос безумия.

Брюсовская концепция счастья, имевшая успех в 1890-е гг. («Мы счастливы будем, мы будем безумны! / Свободные, сильные, юные!» [5, т. 1, с. 58]), получила развитие в книге К. Бальмонта «Будем как солнце»: «Я полюбил свое беспутство, / Мне сладко падать с высоты. / В глухих провалах безрассудства / Живут безумные цветы» [3, т. 1, с. 398], «Прекрасно быть безумным» [Там же, с. 489]. С состоянием счастья-безумия коррелирует игра воображения творца: «И услышав полночный бой, / Упившись музыкой железною, / Мы мчимся в пляске круговой / Над раскрывающейся бездною» [Там же, с. 457];

2) топос мечты и сна.

Счастье лирического героя К. Бальмонта является вестью из области безмерности и сна: «Но есть иная красота. / Души влюбленной сладострастие. / Пред этой чудной вспышкой счастья / Полубожественного сна» [Там же, с. 103]. Или: «В царстве света, в царстве тени, / Бурных снов и тихой лени, / В царстве счастья

земного и небесной красоты, / Я всем сердцем отдавался чарам тайных откровений, / Я рвался душой в пределы недоступной высоты» [Там же, с. 78]. Счастье достижимо и в мечтах о мистическом слиянии «двух бестелесных эльфов» («И зачем нам ласки, / Когда мы переполнены счастьем... / Мы с тобою два цветка одной и той же ветки» [Там же, с. 101]). Сны о счастье брюсовского героя сопрягаются с мотивом смерти: «Овеивает странной сладостью / Тень таинственного сна. /...Я бы умер с тайной радостью / В час, когда взойдет луна» [5, т. 1, с. 124], «На ложе смерти никнем рядом, / Как в нежном и счастливом сне» [Там же, с. 484];

3) топос райского сада.

С одной стороны, героя К. Бальмонта неудержимо влечет райский сад детства, в котором «поет о счастье светлый Сирин» и «светят бессмертные зори / Счастливых младенческих дней» [3, т. 2, с. 288]. С другой стороны, пребывание в раю несовместимо с несовершенством человеческой природы. Пробуждение от ностальгического сна ведет к осознанию неотделимости правды ото лжи, жертвы от палача, божественного от дьявольского. Испытав очарование зла, ребенок превращается в «темного духа», «гномного царя» [Там же, т. 1, с. 460].

Брюсовское представление о счастье обрамлено в почти пародийный образ «райского сада», полного свивающихся по стволам удавов: «Мы будем наслаждаться, – / Играть, блуждать, в венках из орхидей, / Тела сплетать, как пара жадных змей!» [5, т. 1, с. 57]. Прямым же аналогом брюсовского рая становится утопия. Безобразному миру несчастных и томящихся «без веры» [Там же, с. 434] поэт противопоставляет мир будущего. Футурологическая концепция гимна «К счастливым» отлита в классические, статуарные формы. Грядущее счастье ассоциируется с «чистым светом», «вечным пиром», «осуществленным ликом» Красоты [Там же]. Иллюзорность данной фелицитарной конструкции подчеркивается поэтом в мотивах жертвенности и в оксюморонах: «Но что ж! Пусть так! Клоня меня Судьба! / Дышать грядущим горькая улада / И есть иль нет дороги сквозь гроба, / Я был, я емь! Мне вечности не надо!» [Там же, с. 435];

4) топос жизни-театра.

Изображение жизни как «кукольного театра» [3, т. 1, с. 514], с одной стороны, акцентировало традиционную семантику счастья как «участи» [8, с. 371-372], а с другой стороны, обогащало мифопоэтическую составляющую концепта. Особенно популярны были мифы восхождения, самореализации, обретения себя в новом качестве. В заветном стремлении «от судьбы к иной судьбе» [5, т. 1, с. 149] герой В. Брюсова идентифицировал себя с «любимцами веков», рассматривая их «как объект и как возможный мир» [20, с. 76], – царем Асагардоном, Александром Великим, Моисеем, Наполеоном, Дон Жуаном, египетской царицей Клеопатрой. Сверхчеловеческое счастье в понимании В. Брюсова – это власть над временем, слава и самовластье: «Мой прах несчастный не хранит гробница... но над тобой я властвую, поэт!», «Бессмертен ты искусства дивной властью, / А я бессмертна прелестью и страстью: / Вся жизнь моя – в веках звенящий стих» [5, т. 1, с. 153]; «Сам изумлен служеньем счастья, Ты, как пращей, метал войска, / И мировое самовластье / Бросал, как ставку игрока» [Там же, с. 161]. Лирический герой К. Бальмонта, подобно герою В. Брюсова, обретал внутреннюю целостность через непрерывную смену психологических состояний, перевоплощаясь то в кочующего скифа, чье «счастье – война» [3, т. 1, с. 229], то в испанца-конкистадора, проливающего «чужую кровь» («И, стремясь от счастья к счастью, я пройду по океанам / И в пустынях раскаленных я исчезну за туманом» [Там же, с. 227]), то в «несчастье счастливых» Паоло и Франческу [Там же, с. 104];

5) топос смерти.

Для лирического героя К. Бальмонта, зовущего смерть («О, последняя надежда, свет измученный души, / Смерть, улада всех страданий. Смерть, я жду тебя, спеш!» [Там же, с. 195]), пребывание в антимире становится «музыкой», что «сладостней, чем мед» [Там же]. В инициационном же аспекте счастье смерти неотделимо от образа огня: «Я хочу, чтобы белым меркнущим светом / Засветилась мне – Смерть!» [Там же, с. 354]. У В. Брюсова в стихотворении «Я мотылек ночной...» огонь, символизирующий свободу выбора, свободу воли, является знаком посвящения в новую жизнь: «Хочу упить смертью знойной, / Изведать сладосту огня. / Еще один полет нестройный – / И пламя обовьет меня» [5, т. 1, с. 181].

Обобщая результаты работы, мы приходим к следующим **выводам**.

1. Структурные особенности концепта СЧАСТЬЕ в лирике К. Бальмонта и В. Брюсова связаны с опорой поэтов на идею абсолютного дуализма. Трансформация семантического поля концепта демонстрирует тотальную амбивалентность изучаемого феномена в совокупности образно-символической, метафорической и культурно-исторической составляющих, формирующих его ценностную доминанту.

2. Истолкование феномена счастья в лирике старших символистов было обусловлено особенностями их художественного миромоделирования. Отрицая счастье в хаотичных, негативно воспринимаемых «объективных» мирах (земном, небесном и inferнальном), К. Бальмонт и В. Брюсов двигались к его апологии в гармоничном и упорядоченном субъективном мире мечты. На пути восхождения лирического героя от человека к сверхчеловеку «жажда» счастья преобладала над насыщением, процесс достижения превалировал над результатом.

3. Исповедуя общие художественные принципы в создании концепта СЧАСТЬЕ, К. Бальмонт и В. Брюсов внесли в него свои, индивидуально-авторские черты. Бальмонтский концепт пронизывает культ мгновения счастья, призыв к интенсивности его восчувствования, характеризует «изменчивость», стремление «зачаровать» пафосом расширения личности. Структура концепта основана на взаимодействии мотивов и образов, будоражащих воображение читателя припоминаниями, ассоциациями и намеками. В. Брюсов сумел синтезировать в концепте идею «самовластья» личности и живой трепет чувственной жизни, рационализм и своевольную мечту. В. Брюсова в первую очередь интересовали вопросы гносеологии счастья, а К. Бальмонта – онтологии счастья.

4. Все вышесказанное подтверждает гипотезу об изменчивом, динамичном характере фелицитарного концепта СЧАСТЬЕ и его принадлежности к базовым концептам культуры рубежа XX-XIX веков.

Несомненно *перспективным* представляется *дальнейшее исследование* концепта СЧАСТЬЕ в творчестве младших символистов (А. Блока и А. Белого), а также таких ключевых констант, как «творчество», «свобода», «судьба», «любовь», «истина», «смерть», что позволит дать более полное представление о динамике художественной концептосферы Серебряного века.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-512-23007, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.».

Список источников

1. **Абрамзон Т. Е.** Философия счастья в творчестве Н. М. Карамзина: в поисках истинного блаженства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1 (55). С. 319-336.
2. **Абрамзон Т. Е., Рудакова С. В.** Концепция счастья в лирике Е. А. Боратынского // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 4 (16). С. 1-5.
3. **Бальмонт К. Д.** Собрание сочинений: в 2-х т. Можайск: Можайск-Терра, 1994. Т. 1. 832 с.; Т. 2. 704 с.
4. **Белый А.** Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. 571 с.
5. **Брюсов В. Я.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Художественная литература, 1973. Т. 1. 670 с.; 1973. Т. 3. 694 с.; 1974. Т. 6. 651 с.
6. **Васильева Т. И., Карпичева Н. Л., Цуркан В. В.** Антология художественных концептов русской литературы XX века. М.: Флинта, 2013. 356 с.
7. **Воркачёв С. Г.** Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
8. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1982. Т. 4. 683 с.
9. **Жусупова А. Р., Зайцева Т. Б.** Концепт «счастье» в эпистолярном наследии А. П. Чехова // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сб. материалов IV Международной молодежной научно-практической конф. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та, 2018. С. 127-131.
10. **Колобаева Л. А.** Формы глубинного психологизма в лирике символистов (поэтика двойничества и сновидческое начало) // Колобаева Л. А. От А. Блока до И. Бродского. О русской литературе XX века. М.: Русский импульс, 2015. С. 31-47.
11. **Кулешова И. Г.** Художественное бытие в лирике К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Магнитогорск, 2006. 24 с.
12. **Машбиц-Веров И. М.** Поэзия К. Бальмонта [Электронный ресурс] // Машбиц-Веров И. М. Русский символизм и путь Александра Блока. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1969. URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/blok04.html> (дата обращения: 16.09.2020).
13. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. 315 с.
14. **Рудакова С. В., Регеци И.** Между жизнью и смертью (образ «Пира» в контексте «Маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Пир во время чумы») // Libri Magistri. 2018. № 6. С. 76-92.
15. **Слободнюк С. Л.** «Идущие путями зла...» (древний гностицизм и русская литература 1880-1930 гг.). СПб.: Алетей, 1998. 430 с.
16. **Татаркевич В.** О счастье и совершенстве человека / сост. и пер. с польск. Л. В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1981. 368 с.
17. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. СПб.: Азбука, 1996. Т. 3. 832 с.
18. **Философский энциклопедический словарь.** М.: ИНФРА-М, 2009. 569 с.
19. **Хансен-Лёве А.** Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича, А. Е. Барзаха. СПб.: Академический Проект, 1999. 512 с.
20. **Цуркан В. В.** Концепт «Другой» в романе А. Битова «Улетающий Монахов» // Libri Magistri. 2019. № 2 (8). С. 76-84.
21. **Abramzon T.** The Philosophy of Happiness in Selected Works of N. M. Karamzin: The Search for True Bliss // Slavonica. 2018. Vol. 23. Iss. 1. P. 25-41.
22. **Nettle D.** Happiness: The Science behind Your Smile. N. Y.: Oxford University Press, 2005. 216 p.
23. **Sumner L. W.** Welfare, Happiness, and Ethics. N. Y.: Oxford University Press, 1996. 252 p.
24. **Veenhoven R.** World Database of Happiness [Электронный ресурс]. URL: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl> (дата обращения: 09.09.2020).

Concept HAPPINESS in K. Balmont's and V. Bryusov's Poetry

Tsurkan Veronika Valentinovna, PhD

Zaitseva Tatyana Borisovna, Dr

*Nosov Magnitogorsk State Technical University
veravts2013@yandex.ru; tbz@list.ru*

The study aims to identify universal and individual author's ways of presenting the concept, stemming from singularity of K. Balmont's and V. Bryusov's creative work and evolution of their personas. Scientific novelty of the paper is determined by the fact that the concept HAPPINESS, traditionally considered to be peripheral in K. Balmont's and V. Bryusov's poetry, has not received proper coverage in literary criticism and lies in analysing the changes that the notional, emotional, axiological components of the concept underwent in opposition of traditional and modernist interpretations of happiness. The research findings are as follows: the analysis of the concept puts a controversial emphasis on the issue of reinterpreting the phenomenon of happiness as a dynamic category developing in a poet's intuitive creative thinking.

Key words and phrases: K. Balmont; V. Bryusov; Russian poetry at the turn of the XIX-XX centuries; concept HAPPINESS.